

— Ты не знаешь, это нормально, когда я вошёл в двор, ты был всего лишь нескольколетним ребёнком. Более того, даже так, я всё равно должен поблагодарить Его Высочество князя Нина и главу Павильона Теней. В те годы, даже расследуя мою связь с еретическим Дворцом Внимающих Снегу, практикующим противление небу искусство управления мертвецами, они не доложили императору, а ещё уговорили императора выдать за меня принцессу. То, что последующие десять лет для меня прошли гладко, в конечном счёте, целиком зависит от милости и покровительства князя Нина и главы, не так ли?

На словах говорил так, но на лице была полная мрачность, с лёгкой холодной усмешкой.

А-Ли никогда раньше не видел такого выражения у Се Люя, отчего его ноги слегка задрожали.

— Генерал! Раз князь Нин согласился скрыть происхождение генерала, значит с самого начала намеревался продвигать... Чувства князя Нина к генералу с самого начала были...

Се Люй махнул рукой и вздохнул:

— Ладно, не будем о князе Нине. А-Ли, хотя ты и охранник Павильона Теней, пришёл во Дворец Внимающих Снегу по приказу, но одно ты должен всегда помнить.

— Мужун Чжи всё же твой учитель, один день как учитель — на всю жизнь как отец. После моей смерти, если ты посмеешь поступить с ним несправедливо, я даже превратившись в злобного духа, не оставлю тебя в покое, запомни это хорошенько.

В тот день уже миновал первый страж, а Мужун Чжи всё не возвращался.

Се Люй уже принял лекарство, лежал на кровати, скучая и дремля, ждал очень нетерпеливо, совсем не мог усидеть на месте, и, поддерживая ещё слабое тело, собрался выйти на поиски. А-Ли не смог удержать, но едва тот переступил порог маленькой двери, как увидел, что Е Пу, держа на руках Мужун Чжи, как раз входит во двор.

— А Чжи!

Се Люй поспешил подбежать. Увидел, что Мужун Чжи полузакрыв глаза, выглядел вялым, совершенно изнурённым, казалось, хотел выжать для Се Люя улыбку, но в конце концов не нашёл сил.

— А Чжи, с тобой всё в порядке! Е Пу, опусти его, дай мне подержать!

Тут Е Пу нахмурился и холодно усмехнулся:

— Что ты будешь держать? Сам еле стоишь!

Сказав это, обошёл Се Люя и прямо пронёс Мужун Чжи в комнату.

А следом за ним Ся Даньси, толкая коляску Тан Цзи, тоже подошёл к двери.

— Вы двое! Как вы довели А Чжи до такого состояния?

— Мужун, управляя мертвецами, потратил слишком много душевных сил, во всём виноват я.

Тан Цзи поспешил извиниться, затем достал из-за пазухи флакон с пилюлями и передал Се

Люю.

— Это золотые пилюли великого восполнения, изготовленные в Павильоне Снадобий, по три штуки в день, для подкрепления тела Мужуна. Я ещё велю прислать суп с женьшенем и ласточкиными гнёздами, прошу генерала Се проследить, чтобы он хорошенько принял.

Отношение Тан Цзи было таким, что Се Люю тоже неудобно было много говорить, сердито повернулся, но услышал, как сзади человек снова сказал:

— Уже поздно, господин Се, посмотрите за Мужуном немного и тоже пораньше возвращайтесь в комнату отдыхать. Мужуну на этот раз нужен хороший покой и поправка, завтрашний свадебный пир будет ещё более изнурительным, чем сегодня, действительно шуметь нельзя.

— Знаю, знаю.

Се Люю так согласился, в душе подумав: не терпится увидеть нашу близость, окольными путями намекаешь, чтобы я держался подальше от А Чжи, в этом смысл?

А я нарочно буду открыто к нему липнуть, какое тебе дело!

И ещё, я всего лишь несколько дней проспал, как же в твоих устах этот господин Мужун уже превратился в Мужуна? Кто разрешил тебе так называть?

Просто бесит.

Войдя в комнату, Се Люю выгнал А-Ли, Е Пу и остальных. Сам взял одну пилюлю великого восполнения, дал Мужун Чжи подержать во рту, сел у его изголовья с услужливым выражением лица и спросил:

— А Чжи, ты не голоден? Пойти принести тебе что-нибудь поесть? Что хочешь?

Мужун Чжи покачал головой, только спросил его:

— Ты уже в порядке?

— Я в порядке! Видишь, я уже могу бегать!

— Вижу, походка у тебя неустойчивая, лучше ещё несколько дней полежать в постели и поправляться.

— Эй, ничего, ничего! Если я и неустойчив, то только сегодня, завтра утром буду бодр как огурчик! Зато редко у меня бывает день, когда я веду себя скромно, как девушка, А Чжи должен этим дорожить, разве не так?

Мужун Чжи тоже не было сил с ним препираться, он лишь опустил взгляд и сказал:

— Ты прав.

— Поспи немного.

Се Люю положил ладонь ему на глаза.

Мужун Чжи действительно был предельно утомлён, как только закрыл глаза, сразу погрузился в сон. Если бы не это, Се Люю потом поцеловал его в лоб, и если бы он знал, должен был бы,

как обычно, врезать ему.

На следующее утро Се Люй проснулся рано.

Тихо, на цыпочках вышел посмотреть — завтрак уже доставили слуги и поставили в зале, сохраняя теплым в укутанных одеялами контейнерах.

Он был страшно голоден, снаружи немного пожрал как волк, толкнул дверь и снова вошёл в комнату — увидел, что Мужун Чжи уже встал с постели.

— А Чжи, А Чжи, тебе лучше? Эй, почему лицо всё ещё такое бледное! Быстро-быстро, снаружи есть горячие паровые булочки с бобовой начинкой, принести тебе, хорошо?

Мужун Чжи молчал, только перевернулся, слез с кровати и, по пути снимая одежду, направился к задней двери. Когда Се Люй засеменил следом, тот уже погрузился в пруд красных снадобий, что в поздней осени был полон ледяной воды.

Только тогда Се Люй вспомнил, что вчера в полночь его принесли обратно, целый день он не принимал лекарственную ванну, а сам он об этом даже не подумал, внутренне ругая себя за невнимательность.

— А Чжи, ты в порядке? Всё я виноват, забыл, у тебя где-нибудь есть кровоподтёки?

Сказав так, он взял Мужун Чжи за запястье проверить — действительно, были слабые синяки. Не мог не почувствовать особую боль.

— Ничего. Эти дни каждый день принимаю красные пилюли, что присылает Павильон Снадобий, тело может держаться гораздо дольше, чем раньше, даже если ванна запоздала, это не так уж важно.

— По-моему, в конце концов, любое лекарство на три части яд, тем более эта штука ещё заставляет тебя странным образом терять внутреннюю силу, ощущение жуткое, А Чжи, тебе в будущем лучше поменьше её принимать.

Се Люй подумал и снова сказал:

— Вот закончим сегодня с делом свадьбы третьей дочери, завтра проводим главу павильона Линвэй с супругой, и давай вернёмся на Снежную гору. Внизу, под горой, люди сложные, то убить, то казнить, то отравить — давай без дела не будем спускаться и связываться с этой компанией!

Мужун Чжи, видя его искренние слова, выражение его лица стало сложным, тысячи мыслей промелькнули, в конце концов он несмело кивнул.

— Хорошо.

— Отлично!

Се Люй радостно закружился на месте, забежал в комнату, затем выбежал с контейнером еды в руках и сияющей улыбкой.

— А Чжи, присланные паровые булочки остынут, давай я покормлю тебя.

Кто просил тебя кормить.

— Но ведь эта ванна займёт час-два, а вода такая холодная, проголодаешься, замёрзнешь. Давай, а...

Перед этим сияющим от улыбки лицом за палочками для еды, Мужун Чжи с выражением полной безнадёжности.

Позавтракав, Се Люй снова встал на колени у края пруда, помог Мужун Чжи вытереть волосы, а после высушивания сразу же заплёл их по своему вкусу. Мужун Чжи сказал, что он озорной, и позволял ему возиться, не ожидая, что после ванны, надев одежду и взглянув в медное зеркало, увидит — заплетено довольно аккуратно, даже похоже на что-то.

— Неплохо, да, А Чжи? Посмотри на себя, больше десяти лет — то распущены, то завязаны, как раньше, строго и правильно, ни одной пряди не нарушено, совсем неинтересно. Видишь, как я тебе сделал — красиво, очень тебе идёт? Давай-давай, ещё наденем купленную ранее шпильку для волос.

Мужун Чжи тоже не обращал на него внимания, потянулся за верхней одеждой, висящей у кровати, но Се Люй снова его удержал.

— Уже золотую шпильку надел, как же надеваешь повседневную одежду? В тот день купили столько новой одежды, почему не надеваешь?

Подумал и снова хихикнул.

— На людях не переодеваешься в новое, неужели из скрытого желания во Дворце Внимающих Снегу носить всё только для меня одного?

Мужун Чжи больше всего не выносил, когда Се Люй его дразнил. Услышав это, в знак несогласия, наоборот, позволил ему распоряжаться.

Через некоторое время, переодевшись в тёмно-красную верхнюю одежду с узорами, которую больше всего любил Се Люй, с серебряным шнуром на талии и нефритовым подвесом, Се Люй ещё снял с себя колокольчик с голосом воды и повесил на него, услышав, как Мужун Чжи отругал:

— Не дури!

— Я буду дурить. Отныне я каждый день буду помогать тебе умываться и прихорашиваться!

Руки Се Люя совсем не останавливались — так и надо.

Волосы заплетая я, одежду выбираю я, хоть и не могу сказать открыто, но нужно, чтобы те, кто смотрит на тебя с вожделением, видели, что весь ты — мой.

В тот день, поскольку хозяйева, такие как Тан Цзи, Ся Даньси и гости вроде главы павильона Линвэй с супругой, все были заняты подготовкой к свадьбе, им было недосуг развлекать гостей, они лишь договорились с Мужун Чжи и учениками вместе пообедать. Поэтому после того, как переделались, люди в маленьком дворике всё утро были совершенно не у дел.

Примечание автора: Лалала.